

ЗНАМЕНИТЫЕ ИЗГНАННИКИ РИМА

Испытание ссылкой выпало на долю трех выдающихся деятелей римской культуры: Цицерона, Овидия, Сенеки. Древнегреческий поэт Тиртей об изгнанниках писал:

Край же покинуть родной, тебя вскормивший, и хлеба
У незнакомых просить — наигорчайший удел,
Горе тому, кто бродить обречен по дорогам чужбины...¹

Скорбной горечью пронизаны строки стихов Овидия, когда он пишет о своем расставании с родным домом:

Только представлю себе той ночи печальнейший образ,
Той, что в Граде была ночью последней моей,
Только лишь вспомню, как я со всем дорогим расставался, —
Льются слезы из глаз даже сейчас у меня.

.....
Должен покинуть я Рим — медля, я прав и вдвойне!
Я от супруги живой живым отторгаюсь навеки,
Дом оставляю и всех верных домашних своих.
Я покидаю друзей, любимых братской любовью...²

(Trist. I, 3, 1—4; 62—65)

Какие обстоятельства приводят душу изгнанника в смятение? Какие мысли его волнуют? Может ли он изменить свое положение, может ли как-то защитить себя? Каким образом можно укрепить дух человека, попавшего в ссылку? Для ответа на эти вопросы мы обращаемся к письмам Цицерона периода его ссылки, «Скорбным элегиям» и «Письмам с Понта» Овидия, сочинениям Сенеки «Утешение к Гельвии» и «Утешение к Полибию», созданными им в изгнании.

Цицерон отправился в изгнание в 57 г. до н.э. в возрасте 49 лет. Местом своего вынужденного пребывания он выбрал Грецию, пробыл в изгнании 16 месяцев. Овидий в возрасте 51 года по приказу императора Августа в 8 г. до н.э. был отправлен в ссылку на окраину Римской империи (Томы),

© Н. Х. Керасиди, 1997

где и умер, прожив там 10 лет. Сенека в 41 г. по решению сената был приговорен к смерти, но благодаря заступничеству императора Клавдия казнь была заменена ссылкой на остров Корсика. Сенека отправился в ссылку в возрасте 45—46 лет и пробыл там 8 лет.

Согласно законопроекту, предложенному народным трибуном Клодием, Цицерон мог быть обвинен в том, что в его консульство и при его деятельном участии было принято решение без судебного расследования казнить римских граждан, участвовавших в заговоре Катилины. Из-за опасности такого обвинения Цицерон и отправился в изгнание. Можно утверждать, что с Цицероном расправился его злейший враг народный трибун Клодий, проводивший в Риме политику Цезаря.³ Причина ссылки Овидия до настоящего времени не совсем ясна. Овидий пишет: «Две погубили меня причины: стихи и оплошность» (Trist. II, 207). Но не «преступные» стихи (имеется в виду поэма «Искусство любви») являлись настоящей причиной ссылки поэта, тем более что поэма вышла в свет за несколько лет до рокового решения Августа об изгнании Овидия.⁴ Овидий с горечью пишет:

Видел я, да — но не знал, что увидел преступное дело,
Вся-то вина, что в тот миг были глаза у меня.

(Trist. III, 5, 49—50)

Так что не злостное преступление, а, скорее всего, нечаянная провинность Овидия каким-то образом задела Августа, и в гневе он жестоко наказал поэта.⁵ Овидий прямо обращается к Августу: «Ты за обиды свои в горьких словах отомстил» (Trist. II, 134).

Неизвестна до настоящего времени и подлинная причина ссылки Сенеки. Можно, очевидно, согласиться с мнением некоторых исследователей, что он навлек на себя гнев Мессалины, первой жены императора Клавдия.⁶ По мнению М. Е. Грабарь-Пассек, причиной ссылки была «его принадлежность к группировке, поддерживавшей Агриппину и Нерона».⁷

Ссылка — это прежде всего новое местожительство, новый, непривычный уклад жизни. Изгнанник попадает в

неизвестное ему место и окружение. Какие беды ему предстоит испытать в этом краю? Сколько времени предстоит ему прожить вдали от дома? Эти мысли сразу же нагнетают страх в душу изгнанника и приводят его в отчаяние. С глубокой тоской Овидий пишет:

...Живу.....
..... в варварской дальней земле.
Вкруг — сарматы, народ дикарей, и бессы, и геты —
Как унижают мой дар этих племен имена!
(Trist. III, 10, 3—6)

Место своей ссылки Сенека описывает так:

Корсика дикая сжата скалою крутой отовсюду;
Выжжена вся — и лежит всюду бескрайность пустынь;
.....
В этой проклятой земле даже трава не растет.
Хлеба здесь нет, нет ни капли воды, ни костра для умерших.
Здесь лишь изгнанник живет вместе с изгнанным вдвоем.⁸

Суровая природа, чужие люди, чужой язык, убогое жилище, дикие нравы местного населения — словом, отсутствие цивилизации удручающе действует на душевное состояние ссылки. И Овидий, и Сенека сетуют на то, что им не с кем общаться, что они забывают родной язык.

Здесь, где не водятся книг, где никто меня слушать не станет,
Где не понять никому даже значения слов.
Всюду чужая речь, звериные, дикие звуки,
Возгласы ужаса здесь слышишь на каждом шагу.
Кажется, сам я уже вконец разучился латыни...

(Trist. V, 12, 53—57)

Подобную жалобу мы встречаем и у Сенеки. «Подумай, как нелегко находить латинские слова человеку, вокруг которого раздаются неудобоваримая, варварская и грубая даже для образованных варваров речь».⁹ Поклонник эллинской культуры Цицерон, находясь в изгнании в Греции, в письме к другу Аттику жалуется на отсутствие образованного общества: «... я страдаю так, что не только не теряю рассудка, но именно от того и страдаю, что столь здравый ум мне негде и не с кем использовать».¹⁰

На чужбине ссылка вынужден постоянно сравнивать свое положение в прошлом со своим положением в настоящем. Его мучает мысль: кем он был раньше у себя на родине, какое почетное место в обществе он занимал, каким достоянием располагал и какими пользовался привилегиями. А сейчас — кто же он? Он нищий скиталец, бесправный, униженный, боящийся гнева и мести могущественных врагов, постоянно опасющийся за свою жизнь и жизнь близких. Цицерон в том же письме пишет Аттику: «И, если ты, не утративший прав, скучаешь без меня, то как, по-твоему, должен страдать я именно по утраченным правам?... Никто никогда не лишился столь большого имущества и не впал в такую нищету... Ведь прочие страдания смягчаются за давностью, а это не может не увеличиваться ежедневно и от ощущения нынешней нищеты, и от воспоминаний о прежней жизни. Я не только тоскую по своему достоянию и по родным, но и по самому себе. И в самом деле, что я такое?»

Смятение духа изгнанника усугубляется мыслью о том, что страдать приходится безвинно. Все три знаменитых изгнанника наказаны не за злой умысел или преступление, а, как им представляется, за оплошность, печальное недоразумение. «... Я взволнован, — пишет Цицерон, — не столько постигшим меня бедствием, сколько воспоминанием о своем заблуждении... Я тяжелее переношу наказание за свою глупость, нежели за случившееся, так как поверил человеку, которого не считал злодеем» (Ad Att. 64, 4). Овидий сетует: «Случай... заставил взгляд мой свидетелем стать гнусных и пагубных дел» (Trist. III, 6, 27—28). Сенека также не знает за собой вины. Обращаясь к императору Клавдию через его фаворита Полибия, Сенека просит: «Пусть он [Клавдий] как угодно рассмотрит и решит мое дело. Либо справедливость Цезаря признает мое дело правым, либо он снисходительно признает его таковым» (Ad Pol. XIII, 3).

Еще одна неотвязная мысль удручает изгнанника — это мысль о позоре. Цицерон обращается к Аттику: «... молю и заклинаю тебя любить... моего Цицерона [сына], бедняжку, которому я не оставляю ничего, кроме своего ненавистного и обесчещенного имени...» (Ad Att. 83, 5). Овидий считает,

что даже самый последний человек может унижить беззащитного ссыльного.

Верно, дурное при мне обо мне говорить не боятся,
Может быть, смеют меня ссылкой моей попрекать.

(Trist. V, 10, 39—40)

Но Сенека положение ссыльного не считает позорным. По его убеждению, позор — удел не изгнанника, а его гонителя. В «Утешении к Гельвии» мы читаем: «Я знаю, что некоторые скажут: нет ничего тяжелее, чем презрение. Им кажется, что смерть была бы для них лучше. Им я отвечу, что часто презрение с изгнанием и не связано. Если упал великий человек, то и лежит великий. Он не больше будет презираем, чем руины святого храма, по которым ходят, но которые благочестивые люди почитают так же, как если бы храм оставался целым» (Ad Helv. XIII, 8).

В минуту отчаяния Цицерон и Овидий своему положению изгнанника предпочитают смерть. Цицерон пишет брату Квинту: «Слезы родных помешали мне пойти на смерть, что было бы, конечно, наилучшим выходом и для сохранения чести, и во избежание невыносимых страданий» (Ad Q. fr. 72, 4). Овидий умоляет богов послать ему смерть как освободительницу от страданий.

Поторопите, молю, нерадивые судьбы, велите,
Чтоб наконец предо мной смерти открылись врата!

(Trist. III, 2, 29—30)

Сенека же в первое время ссылки проявил стойкость духа: у него, изгнанника, хватило сил утешать мать по поводу своей ссылки. Он пишет послание «Утешение к Гельвии».

Безысходность в настоящем, страх перед будущим вынуждают изгнанника искать защиту у родных, друзей и сильных мира сего. Овидий умоляет Августа:

Сжался, отчизны отец, и, помня об имени этом,
Дай мне надежду мольбой сердце твое укротить.

(Trist. II, 181—182)

Сенека обращается к императору Клавдию в надежде на помилование: «О, как отрадна твоя снисходительность, Цезарь. Благодаря ей изгнанники при твоём правлении ведут более спокойную жизнь, чем еще недавно при Гае* виднейшие граждане... Благодаря тебе они видят не только конец жестокости судьбы, но и надежду на ее улучшение, и покой в настоящем» (Ad Pol. XIII, 4). И Овидий (Trist. II), и Сенека (Ad Pol. XII, 3—XIV) называют изгнавших их деспотов самыми милосердными, великими, даже равными богам. Однако лесть и унижение оказались бесполезными.

Овидий все же до конца своих дней не расставался с надеждой на помилование. «...В глубине души поэт упорно надеялся и после некоторых минут отчаянья снова принимался молить и льстить, как будто жестокая и презрительная душа Тиберия могла быть доступна мольбе и лести».¹¹ Неудачная попытка Сенеки умиловать императора Клавдия и, вероятно, чувство стыда, заставили его молчать до конца ссылки. Впоследствии Сенека, стыдясь своего временного малодушия, пытался уничтожить свое послание «Утешение к Полибию», где он обращался к Клавдию с просьбой о помиловании.

Единственной связью с далекой родиной, любимым домом были письма к родным и друзьям. От близких в несчастье ждут утешительных слов и полезных действий. Письма Цицерона и Овидия полны жалоб и просьб помнить об изгнаннике, позаботиться о нем, сделать все возможное для скорейшего его возвращения. Как благодарен изгнанник близким и друзьям за их внимание и участие к его тяжелой судьбе, и как больно ранит его душу измена. Цицерон жалуется брату Квинту: «...не вижу, на что мне надеяться, так как враги очень сильны, а друзья частью покинули меня, а частью даже предали» (Ad Q. fr. 66, 5). Овидий в письме к другу Котте Максиму пишет:

Преданность слава твою, готов забыть я о людях,
Что повернулись спиной вместе с Фортуной ко мне.

(Epist. ex Ponto III, 2, 7—8)

* Имеется в виду император Калигула.

Облегчить муки одиночества, утешить могут не только верные друзья, но и творчество. Можно отнять родину, семью, имущество, но нельзя лишить изгнанника его таланта. Роль творчества в своей печальной судьбе ссыльного Овидий определяет так:

Муза, спасибо тебе! Ибо ты утешенье приносишь,
Отдых даешь от тревог, душу приходишь целить.

(Trist. IV, 10, 116—117)

По мнению Сенеки, именно занятия науками «наилучшим образом увеличивают счастье и во много раз уменьшают несчастье, они являются величайшим украшением и утешением для человека» (Ad Pol. XVIII, 1). Но Цицерону научные занятия не помогли утешиться в горе. Он пишет брату: «...вести эту жизнь дольше не могу. Ведь никакая мудрость или учение не дают столько сил, чтобы можно было выдержать такое страдание» (Ad Q. fr. 66, 5).

Знакомясь с источниками, мы видим, что трех знаменитых изгнанников покинуло мужество, как только они оказались в условиях, не соответствующих их привычному образу жизни.

Творческая личность, вырванная из той социальной среды, где она может быть по-настоящему понята и оценена, вне этой среды чувствует себя одинокой, более того, бесполезной, ибо она исключена из общего процесса культурного развития. «Человек, забывший об интересах общества, и руководитель государства, забывший об интересах граждан, — не римляне, а варвары. Противоположностью варварству является культура, и потому самое главное в Римской республике заключено в том, что она является как бы «государством культуры»».¹²

Изгнанника гнетет обида: наказание несправедливо, он страдает безвинно, он бессилен защитить себя от произвола власть имущих. На примере судьбы Цицерона мы видим, что в республиканском Риме еще возможно было доказывать свою невиновность и надеяться восстановить свой прежний статус. Авторитет, популярность Цицерона как политического деятеля, превосходного оратора, талантливого писателя

все-таки помогли в борьбе друзей и родных за его возвращение из изгнания.

Судьбы Овидия и Сенеки показывают, что в эпоху Империи нет защиты от тирана: перед произволом императорской власти бесполезны знатность рода, заслуженная популярность, талант, просьбы родных и друзей, унижительные мольбы отчаявшегося изгнанника.

И только верность родных и друзей, творческий труд, понимание неизбежности настоящего положения ссыльного и необходимости приспособиться к новым условиям жизни может стать основой для укрепления духа изгнанника.

Примечания

¹ Античная лирика / Пер. Г. Церетели. М., 1968. С.128.

² Гаспаров М. Л. Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1972 (далее цитаты даются по этому изданию).

³ Утченко С. А. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С.121—123.

⁴ Дримба О. Овидий. Поэт Рима и Том. Бухарест, 1967. С.229.

⁵ Гаспаров М. Л. Публий Овидий Назон. С.197—200.

⁶ Ошеров С. А. От Рима к миру // Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С.334.

⁷ Грабарь-Пассек М. Е. Сенека Младший // История римской литературы / Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М., 1962. Т.2. С.63.

⁸ Грабарь-Пассек М. Е. Сенека Младший. С.76.

⁹ L. Annaei Senecae dialogorum libri duodecim / Recognovit brevique adnotatione critica instruxit L. D. Reynolds. Oxford, 1977. Ad Polibium XVIII, 9 (далее цитаты даются по этому изданию).

¹⁰ Цицерон Марк Туллий. Письма / Пер. В. О. Горенштейна Л., 1949—1951. Т.1—3. К Аттику, 73, 2 (далее цитаты даются по этому изданию).

¹¹ Буассье Г. Оппозиция при Цезарях // Собр. соч.: В 10 т. / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1993. Т.2. С.136.

¹² Кнабе Г. Цицерон. Культура и слово // Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения. М., 1975. С.12—13.